

УДК 355.257.72-054.64(476-89)(091)"1914/1918"

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С. Н. Рындин

*Национальный исторический архив Беларуси, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск,
Республика Беларусь, serzh.ryndin2016@yandex.by*

В период Первой и Второй мировых войн враждующие стороны несли беспрецедентные потери военнопленными. Обе войны также отмечены очень широким использованием труда военнопленных в экономике воюющих государств. Первая мировая война стала первым опытом транспортировки, размещения, содержания и трудового использования миллионов военнопленных. В докладе рассматриваются условия пребывания иностранных военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны. Освещаются транспортировка военнопленных через белорусские губернии в места постоянного содержания во внутренних военных округах Российской империи, применение их труда на фронте и в экономике прифронтовых губерний.

Ключевые слова: Первая мировая война; белорусские губернии; иностранные военнопленные.

FOREIGN PRISONERS OF WAR IN BELARUS: THE EXPERIENCE OF THE WORLD WAR I

S. N. Ryndin

*National Historical Archive of Belarus, 55 Kropotkin str., 220002, Minsk, Belarus,
serzh.ryndin2016@yandex.by*

During the World Wars I and II, the warring parties suffered unprecedented losses of prisoners of war. Both wars were also marked by the very widespread use of prisoner of war labor in the economies of the warring states. The World War I was the first experience of transporting, housing, maintaining and employing millions of prisoners of war. The report examines the conditions of stay of foreign prisoners of war in the territory of the Belarusian provinces during the World War I. The article highlights the transportation of prisoners of war through the Belarusian provinces to places of permanent detention in the internal military districts of the Russian Empire, the use of their labor at the front and in the economy of the frontline provinces.

Keywords: World War I; Belarusian provinces; foreign prisoners of war.

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилеи начала и конца Первой мировой войны, затронувшей и белорусские земли. В ходе войны с Германией и ее союзниками в Российскую империю хлынул поток иностранных военнопленных. С одной стороны, интересы государственной безопасности требовали их изоляции до окончания войны. Но с другой,

экономика Российской империи и белорусских губерний, в частности, была ослаблена мобилизацией мужского населения и нуждалась в значительных трудовых ресурсах. Это вынудило российское государство прибегнуть к труду военнопленных, а также вольнонаемных иностранных рабочих.

В целом, историография военного плена Первой мировой войны обширна, но белорусские губернии почти не затрагивает. Первым положение иностранных военнопленных в Беларуси стал изучать А. Л. Самович [1]. Аналогичные исследования ведутся и в других государствах на постсоветском пространстве. Например, в России изучается положение военнопленных в Поволжье, Сибири, на Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке [2–7]. В совокупности эти исследования постепенно и, в основном, независимо друг от друга формируют общую картину жизни иностранных военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны. В данной статье рассматривается положение иностранных военнопленных в белорусских губерниях.

Прифронтовые западные губернии являлись зоной транзита военнопленных в центральные и восточные губернии. В Двинском и Минском военных округах иностранные военнопленные прибывали на этапные и сборные пункты в Вильно, Витебске, Волковыске, Двинске, Минске, Гродно, Белостоке, Соколке и др. [8, л. 67; 9, л. 100; 10, л. 32]. Под охраной их везли в Москву и Омск для последующего распределения по местам постоянного пребывания. Согласно указанию и. д. начальника Генерального штаба М. А. Беляева в мае 1915 г., начальники военных округов должны были следить за тем, чтобы военнопленные размещались строго казарменным порядком, но при нехватке казарменных помещений предусматривалось расквартирование группами в особо отведенных или арендованных частных домах и также казарменным порядком [11, л. 72]. Большинство военнопленных славянского и эльзас-лотарингского происхождения прибывало на территорию Московского и Казанского военных округов. Также часть военнопленных славян препровождалась в Туркестанский и Омский военные округа [11, л. 4 об.].

Свет на прибытие в белорусские губернии первых трудовых партий из военнопленных проливают документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Первые эшелоны с рабочими приехали в г. Волковыск 29 мая 1915 г. [12, л. 90].

Рабочие команды из военнопленных были задействованы на территории Минской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний, а также в Вилейском уезде Виленской губернии. Их направляли на строительные, общественные, полевые работы. Значительное количество

австро-венгерских военнопленных прибывало в Минскую губернию на заготовку сена для российского Юго-Западного фронта, развернутого на территории современной Украины.

В Гродненской губернии, по архивным данным, многотысячный контингент иностранных военнопленных участвовал в работах по укреплению Брест-Литовской и Гродненской крепостей. В Брест-Литовском крепостном районе в июне–июле 1915 г. было занято до 8000 иностранных военнопленных, в Гродненском — свыше 10 000 [13, л. 142–142 об.; 14, л. 111]. Большинство состояло из австро-венгерских подданных славянского происхождения. Согласно сохранившимся данным, их труд использовался на строительстве и укреплении оборонительных позиций, а также на лесозаготовке. Их дальнейшая судьба после вывода вглубь России неизвестна.

В западные губернии присылались только пленные солдаты-славяне (призванные в ряды австро-венгерской и германской армий чехи, словаки, поляки и т. д.). «Вражеские» военнослужащие из немцев, венгров и турок считались враждебным элементом и в прифронтовые белорусские губернии не допускались. Военные власти опасались их бегства за линию фронта. Российская империя позиционировала себя в качестве освободительницы угнетенного славянства и поэтому демонстрировала к пленным славянам благожелательное отношение. Для них предусматривался ряд льгот.

Иностранные славяне, доставленные в западные губернии, были организованы по армейскому образцу. Их сводили во взводы, роты, батальоны, дружины. Во главе этих соединений ставили российских офицеров и приписывали к той или иной армии фронта. Пленные фельдфебели и унтер-офицеры могли управлять взводами. Захваченных в плен офицеров к работам не привлекали. Весной 1916 г. штаб Минского военного округа поднял вопрос относительно формы и отличительных знаков для военнопленных и конвоиров. Австро-венгерская форма военнопленных изнашивалась, и предполагалось выдавать им российскую форму. Командование 3-й армии Западного фронта предложило принять черный погон для конвоиров, а для военнопленных черную повязку на левом рукаве и черную нашивку на месте кокарды [15, л. 645].

Контингент пленных солдат предназначался для нужд фронта. Они работали в распоряжении как непосредственно армии, так и гражданских предприятий, выполнявших военные заказы. Например, в Витебской губернии в районе села Марковщина был развернут крупный лагерь военнопленных (в настоящее время — это район в юго-западной части г. Витебска). Необходимо отметить, что факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время

практически неизвестен. В сентябре 1915 г. там было сосредоточено более 2 тысяч человек [16, л. 1001]. Они восполняли острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины.

Материалы РГВИА позволяют осветить такой вопрос, как общая численность военнопленных в белорусских губерниях. В районе Западного фронта к 31 октября 1916 г. насчитывалось 42 282 чел. Для сравнения: в Прибалтике, в районе Северного фронта, было сосредоточено более 126 тыс. рабочих из военнопленных. Наибольшее их количество было на территории украинских губерний в районе Юго-Западного фронта — свыше 360 тыс. чел. [17, л. 61–65].

Первостепенную роль для адаптации пленных играли условия содержания. В российском «Положении о военнопленных» от 7 октября 1914 г. было записано: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [18, с. 3812].

Законодательство требовало от предприятий, использующих труд «неприятельских» солдат, снабжать их одеждой, обувью, бельем. Устанавливался такой же продовольственный паек, как у нижних чинов российской армии. Например, в 1915–1916 гг. власти г. Могилева закупали у местных торговцев ровно столько продовольствия, чтобы оно распределялось среди пленных таким образом: в день на одного человека около 1 кг хлеба, 100 г крупы, 100 г мяса и рыбы (за исключением постных дней) [19, л. 99 об. – 102]. Тысячи рублей расходовались на покупку обмундирования и рабочего инвентаря.

Законодательство также предписывало предприятиям платить пленным зарплату. Но при этом предусматривались вычеты: треть (затем четверть) в особый фонд, а также часть на покрытие расходов предприятия на содержание пленных.

Выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей, прежде всего, как рабочих, а не заключенных, и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы. Многие зависело и от личных качеств начальников. Например, в документах многократно отмечается штабс-капитан Сафонов, один из командиров в Марковщинском лагере, многое сделавший для улучшения быта военнопленных.

Гражданское население не воспринимало военнопленных негативно. Во-первых, в виду того, что в прифронтовых губерниях работали

военнопленные славянского происхождения. Во-вторых, они были преимущественно выходцами из крестьянской среды, хорошо знакомыми с полевыми работами.

Однако по материалам белорусских и российских архивов, у властей регулярно возникали проблемы с материальным снабжением военнопленных в полном объеме. Впрочем, эти явления были следствием ухудшения экономической ситуации. Военнопленные страдали от тех же недостатков в снабжении, что и солдаты российской армии.

Труд иностранных военнопленных применялся в Беларуси и после прихода к власти большевиков. Но сведения о них на территории Беларуси после октября 1917 г. фрагментарны. Известно, что некоторые из них были освобождены наступавшими австро-германскими войсками и эвакуированы на запад.

Рассматривая общероссийский фон, следует отметить, что военнопленных в России было очень много — примерно 2,5 млн. Нормы международного права в отношении военнопленных в целом сохраняли свое регулятивное значение. Однако, к 1918 г., к заключению Брестского мира, примерно 400 тыс. из них умерло [20, s. 75]. Наибольшее количество смертей приходится на зимы 1914–1916 гг., когда в лагерях военнопленных вспыхивали эпидемии, которым местные власти не смогли эффективно противодействовать. Из-за непредвиденно большого наплыва пленников власти центральных и восточных губерний не могли снабдить их всем необходимым, в том числе своевременным лечением. Многочисленные нарушения международных норм были ситуативными, т. е. объяснялись такими факторами, как невозможность предоставить огромному количеству военнопленных надлежащие условия, злоупотребления и/или бездействие со стороны местных чиновников, экономическая необходимость массового привлечения военнопленных (только нижних чинов) к труду, который в ряде мест мог быть очень тяжелым (например, на Мурманской железной дороге).

Но наряду с этим в более выгодном положении находились пленные офицеры, а из солдатской среды — представители «дружественных» национальностей. В связи с этим примечательно, что в период Гражданской войны в России пленные солдаты из славянских народов не испытывали сочувствия к большевикам. А военнопленные немецкой, австрийской и венгерской национальностей, считавшиеся при прежних режимах «неблагонадежными элементами» и не имевшие послаблений, были более восприимчивы к пропаганде большевиков.

Таким образом, выявленные документы позволяют утверждать, что в белорусских губерниях условия жизни и труда военнопленных были удовлетворительными, т. е. близкими к бытовым условиям солдат российской армии. Но в целом по Российской империи ситуация была более неоднозначной, изменчивой в зависимости от времени и места. Многие зависело от личных качеств руководителей на местах, большое значение имела и удаленность от центров государственного управления (например, в губернском городе Могилеве, в котором располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, провести инспекцию размещенных там 150 военнопленных было значительно легче по сравнению с какой-либо местностью в Сибири или на Дальнем Востоке). Мобилизация экономики в период Первой мировой войны вызвала прилив иностранной рабочей силы в белорусские губернии. Это были как вольнонаемные работники, так и военнопленные. Архивные источники показали, что местные военные и гражданские власти соблюдали международное и внутреннее право о военнопленных. Имевшие место недостатки в материальном снабжении были проявлением не преднамеренно плохого обращения, а ухудшения состояния экономики, из-за чего страдали все слои населения.

После подписания Брестского мира на территории белорусских губерний в 1918 г. бывшие враждующие стороны стали обмениваться пленными. Но репатриация проходила с большими сложностями и затянулась на годы. Существенным препятствием было расстройство транспорта, а также военные действия Гражданской войны и войны между РСФСР и Польской Республикой.

Официальная репатриация военнопленных продолжалась до 1925 г. В этом году НКВД СССР объявил об окончании репатриации беженцев и военнопленных. С этого времени их въезд в страну и выезд из страны могли осуществляться только в общем порядке, установленном для въезжающих на территорию СССР или покидающих ее [2, с. 403]. Но на основании сохранившихся данных можно утверждать, что с 1918 по 1925 гг. на родину смогло вернуться большинство военнопленных и перемещенных гражданских лиц. Эвакуационные учреждения в меру своих возможностей оказывали репатриантам жилищную, продовольственную, медицинскую помощь, спасая многих из них от гибели. Но дома этих людей ожидали новые беды: часто свои дома они обнаруживали разрушенными, не могли найти кров и работу, сталкивались с равнодушием местных властей к их судьбе. Война, и особенно продолжительный военный плен, меняла психологию ее участников, делая их более ожесточенными. Отвыкание от мирной жизни в сочетании с послевоенными экономическими неурядицами

(безработица, инфляция, бессилие государственного аппарата и т. д.), особенно в странах, проигравших войну, делали ветеранов нетерпимыми к существующим порядкам и крайне восприимчивыми к радикальным идеологиям.

Библиографические ссылки

1. *Самович А. Л.* Работать, чтобы выжить : трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 гг. на территории Беларуси // *Беларуская думка*. 2008. № 11. С. 36–41.

2. *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты : Беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914–1925 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2014. 461 с.

3. *Бондаренко Е. Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России : 1914–1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Владивосток, 2004. 45 с.

4. *Идрисова Э. С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2008. 24 с.

5. *Мендикулова Г. М., Надежук Е. А.* Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства // *Вестник архивиста*. 2018. № 4. С. 996–1008.

6. *Ниманов Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2009. 24 с.

7. *Самович А. Л.* Военнопленные XIX–начала XX вв. в западном регионе России. М. : Военный ун-т, 2011. 258 с.

8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 583. Оп. 1. Д. 121. 189 л.

9. НИАБ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 122. 201 л.

10. НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. 43 л.

11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. 318 л.

12. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. 318 л.

13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. 678 л.

14. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 929. 236 л.

15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. 678 л.

16. НИАБ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 7. 2114 л.

17. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549. 183 л.

18. Положение о военнопленных: положение Совета Министров России от 7 окт. 1914 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. Петроград. 1914. № 281. Ст. 2568. С. 3811–3819.

19. НИАБ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 361. 596 л.

20. *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 626 S.